

ГЛАВА 1. ПЕРЕХОДНАЯ ЭКОНОМИКА И ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО

1.1. Трансформация и модернизация: социальное измерение

Социально-экономическая трансформация обычно понимается как переход от традиционного к модернизированному обществу, в процессе которого изменяются его основные институциональные и поведенческие характеристики. Традиционное общество, в котором главными социальными регуляторами выступают социальные нормы, жестко предписывающие всем членам общества четкие правила и модели поведения, трансформируется в модернизированное, где действуют механизмы социального регулирования, основанные на индивидуальном выборе, личных ценностях и предпочтениях. В этой связи процесс трансформации часто полностью отождествляется с модернизацией, против чего ряд ученых возражает, считая этот термин не вполне удачным для обозначения процессов общественных преобразований в нашей стране¹. Так, по мнению И.Е. Дискаина, однозначное отнесение российской трансформации к модернизации предполагает, что преобразование общества, экономики и государства в соответствии с передовыми мировыми образцами выступает в качестве главного ориентира развития нашей страны. Но если модернизационные модели складывались в западных обществах органически, то в России они конструировались на основе определенных идеолого-теоретических представлений и пристрастий элитных групп, волевым образом вменяющих эти представления всему обществу. Учитывая эти соображения, И.Е. Дискаин предлагает при анализе российских преобразований ограничиваться более нейтральным термином «трансформация», а также классическими представлениями о смене механизмов регулирования социальных процессов.

Представляется, однако, что в этих рассуждениях не нашла отражения произошедшая за последние десятилетия эволюция в понимании модернизационных процессов².

¹ Дискаин И. Российская государственная система: проблема институционального генезиса // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4; Кара-Мурза С.Г. Россия как традиционное общество // *Куда идет Россия? Альтернативы социально-экономического развития*. М, 1997.

² Уткин А.И. Западная интерпретация глобального противостояния // *Философские науки*. 1995. №№5-6

Модернизация понимается в мировой социологии трояко. Во-первых, как синоним всех прогрессивных социальных изменений. В соответствии с этим пониманием «модернизация является тотальной трансформацией традиционного общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и политически стабильных наций Запада»³.

Во-вторых, как синоним современности, что означает комплекс социальных, экономических, политических, культурных и интеллектуальных трансформаций, ведущих к достижению «современного состояния, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»⁴.

В-третьих, как обозначение усилий, направленных на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые существуют в одном историческом времени, в рамках единого глобального сообщества. «Модернизация - это важный момент в развитии обществ - момент, когда предпринимаются совокупные усилия для достижения более высоких желаемых стандартов»⁵.

Доминировавший в 50-60-е годы модернизационный подход, сторонниками которого были ведущие западные социологи того времени: Т. Парсонс, У. Ростоу, С. Айзенштадт - основывался на представлении о том, что у каждой страны есть достаточный потенциал для броска к модернистскому будущему, для вхождения к мировую экономику, создания демократического правового государства и всеобщего благополучия. Трудность перехода к модернизированному обществу усматривалась лишь в упорстве коммунистических фанатиков, влиянии усвоенной поколениями коммунистической идеологии, которое со временем, несомненно, будет преодолено. Т. Парсонс писал в этой связи о неизбежности возвращения России на магистральный путь развития: «Под покровом идеологических конфликтов, оказавших такое глубокое воздействие, возникает важный элемент очень широкого консенсуса на уровне ценностей,

³ Moore W. Social Change. Englewood Cliffs: Prentic Hall. 1963.

⁴ O'Connel J. The Concept of Modernisation. 1976.

⁵ Tirykian E.A. Comparative Social Dynamics. 1985. P. 134.

вращающихся вокруг комплекса, который мы часто называем «модернизацией»⁶.

Конец 60-х годов положил предел историческому оптимизму. В работах Н. Смелсера, Р. Робертсона, Д. Аптера мировая история представляет собой уже не плавную эволюцию со счастливым концом в виде модернизованного общества, а цепь жестоких катаклизмов, прорывов к модернизации сквозь трагедии и революции. Б. Мур даже предложил вместо понятий «модернизация» и «эволюция» употреблять понятия «революция» и «контрреволюция»⁷. В этот период яснее видятся пороки буржуазного общества и достоинства «второго мира». Однако уже с конца 70-х годов в работах С. Лэша, Д. Харви; а также у теоретиков культурного развития мира Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко прежние антимодернистские настроения сменяются вниманием к личности⁸. Фокус внимания переносится на персональную судьбу. Признается, что каждый имеет право следовать собственным путем в этом универсальном мире, и личная судьба может быть схожей у представителей «первого» и «второго» миров.

В конечном счете острое противопоставление традиционализма и модернизма было снято, исходя из признания главенства универсальных ценностей. Это подготовило современное понимание модернизации, получившее название «неомодернизма». Согласно ему, такие институциональные структуры, как демократия, закон и рынок, являются функциональными необходимостями, однако они не являются исторически неизбежными или линейно достигаемыми результатами, равно как не являются они панацеями для решения внеэкономических проблем. Эти функциональные необходимости заставляют общий вектор происходящих изменений приближаться к общим модернизационным ориентирам, но историческая, культурная специфика трансформации каждой страны позволяет строить свой образ модернизирующегося общества. Именно в этом смысле можно говорить о модернизации российского общества, опыт осмысления которой необходим для понимания существа происходящих процессов и их перспектив.

⁶ Parsons T. The Evolution of Societies. Englewood Cliffs, 1966. P. 142.

⁷ Moore B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.

⁸ Lash S. Sociology of Postmodernism. London, 1990; Harvey D. The Postmodern Conditions. Minneapolis, 1984.

Неомодернизм исходит из следующих положений, которые в наиболее полном виде сформулировал П. Штомпка.⁹

Во-первых, в качестве движущей силы модернизации уже не рассматриваются только элитные группы. Она больше не трактуется как решение, принятое элитой и навязанное сопротивляющемуся населению. В центр внимания ставится мобилизация масс, которые стремятся изменить условия своего существования в соответствии с более высокими стандартами.

Во-вторых, на смену акцентированию эндогенных факторов модернизации приходит осознание растущей роли экзогенных факторов, включая геополитические, внешнеэкономические (размер финансовой поддержки, открытость международных рынков), информационно-политические (доступность убедительных идеологических средств, обосновывающих и поддерживающих современные ценности: индивидуализм, ответственность, способность полагаться на себя, нормы трудовой этики и т. д.).

В-третьих, вместо единой универсальной модели, которую в качестве образца должны были брать трансформирующиеся общества, вводится идея «движущихся эпицентров современности»¹⁰ Унифицированный процесс модернизации заменяется все более разнообразным, многоликим процессом

В-четвертых, все яснее осознается, что темпы, ритм и последствия модернизации неодинаковы в различных областях социальной жизни, в их трансформации отсутствует синхронность. Если для осуществления конституционной реформы достаточно несколько месяцев, то для модернизации экономической сферы может потребоваться несколько лет, а социальные изменения займут несколько поколений¹¹.

И, наконец, если раньше эффективность модернизации оценивалась исходя исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль социокультурных факторов¹²

⁹ Штомпка П Социология социальных изменений М,1996

¹⁰ Tirikian E The Changing Centers of Modernity Boulder Westview Press, 1982 P 31-147

¹¹ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe London, 1990

¹² Loury G A Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, Minorities, and Employment Discrimination, ed by P A. Wallace and A, Le Mund Lexington Lexington Books, 1994, Coleman J Social Capital//American Journal of Sociology 1994

Учитывая названные серьезные продвижения в осмыслении теории модернизации, социально-экономическая трансформация российского общества может рассматриваться как модернизационно ориентированная, для которой характерны три этапа:

- латентное разрушение традиционного общества, когда постепенно происходит критический анализ его основных идеологием и традиционных норм;
- разрушение идеологических устоев и начало формирования новых моделей поведения, соответствующих принципиально иным общественным нормам,
- кризис прежних моделей жизнедеятельности и становление новых моделей, вовлечение в этот процесс все более широких слоев населения, формирование новой социальной структуры общества

Первый этап, охватывающий 50-70-е годы, связан с ослаблением тоталитаризма и падением «железного занавеса», ростом благосостояния населения, повышением уровня образования и распространением средств массовой информации. В совокупности все эти обстоятельства повлияли на перемены в моделях поведения людей. Однако многими учеными отмечался неравномерный характер изменений. Для обозначения этой неравномерности был введен термин «послойная модернизация», означающий, что латентное разрушение традиционного общества затрагивало прежде всего жителей мегаполисов, а затем, видоизменяясь, распространялось от центра к периферии.

Второй этап трансформации относят к 80-м годам, когда - в «эпоху Перестройки и Гласности» - быстро разрушались идеологические устои советского общества, постепенно стало «разрешено все, что не запрещено», и это одновременно с принятием законов о кооперации и индивидуальной предпринимательской деятельности положило начало формированию новых моделей экономического поведения, которые, однако, не приняли массового характера.

Наконец, третий этап трансформации связан с началом реформ 1992 года, либеральным проектом, которому не дано было осуществиться в задуманном виде. Началу реформ сопутствовала уверенность в том, что рынок является универсальным механизмом, обеспечивающим эффективность экономики и, как следствие, рост

благополучия населения. В этот период практически не осознавалось, что позитивные юменения в сфере экономики теснейшим образом связаны с изменениями в способах социально-экономического поведения. Государство, а не индивидуальные усилия, по-прежнему рассматривалось как главное условие жизненного благополучия.

Неудача либерального проекта поставила вопрос о принципиальной возможности трансформации такой страны, как Россия. Получила распространение точка зрения, в соответствии с которой реформы, направленные на разрушение исторически сложившихся социально-экономических условий и порядков, не просто не нужны, а пагубны. Согласно этой позиции, которую отстаивают сторонники КПРФ, Россия обретет гармонию на путях реставрации прежних порядков, а произошедшие перемены не носят качественного характера и в этом смысле вполне обратимы.

Другая точка зрения наиболее полно и последовательно представлена в работах А.С. Ахиезера, который утверждает, что Россия вышла из-под господства традиционализма, но не нашла еще своего пути к превращению в общество либеральных ценностей. Ее можно охарактеризовать как страну, «застрявшую между двумя суперцивилизациями». Россия, таким образом, превратилась в страну промежуточного типа, и эта ее специфика является мощным препятствием на пути модернизации российского общества.

Наконец, существует и третья точка зрения, в соответствии с которой модернизация России является объективным процессом, пик которого, как показывает в своих работах А.Г. Вишневский¹³, уже преодолен, однако «впереди - продолжение и завершение модернизации, приспособление социальных структур, институтов и ценностей к новому качественному состоянию общества». Это новое качественное состояние является результатом многих перемен, центральное место среди которых принадлежит трем направлениям: экономическому, урбанистическому и демографическому. Названные перемены, осуществлявшиеся в достаточно длительном историческом периоде, резко расширяют область человеческой свободы и потому делают объективно возможным гражданское общество, осно-

¹³ Вишневский А.Г. Модернизация России: позади или впереди? // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995.

ванное на либеральных принципах, противостоящих поглощению личности государством, общиной, церковью, этносом.

Представляется, что разрешить этот спор, безусловно, имеющий идеологический подтекст, возможно, только исследуя реальную практику трансформации и процессы адаптации населения к происходящим изменениям, изучая формирующиеся типы социально-экономического поведения населения и масштабы их распространения. Кроме того, научное исследование этого круга проблем, в соответствии с требованием М. Вебера, должно быть свободно от оценочных суждений и идейных ориентаций самого исследователя, чьи вкусы и пристрастия необходимо оставить за пределами научных суждений.

Анализ происходящих уже в течение ряда лет социально-экономических процессов позволяет выявить существо общественной трансформации в России. Прежде всего, она затрагивает модели и регуляторы социальной деятельности. Во-первых, доминировавшие ранее ожидания решения основных социально-экономических проблем со стороны государства сменяются существенно большей ориентацией населения на собственные силы и возможности. На смену обществу как единому организму, функционирующему лишь под патронажем государства, приходят относительно самостоятельные, партикуляризованные индивиды, все более свободные в своих решениях. Жестко заданные и ограниченные типы социально-экономического поведения уступают место разнообразию типов социального действия.

Во-вторых, на место прямого и непосредственного властного хозяйственного и идеологического контроля приходят универсальные регуляторы социально-экономической деятельности, в качестве которых все менее значимыми становятся навязанные извне нормы. Теперь новые способы и стандарты поведения имеют различные источники формирования, но при этом они часто не корректируются ни устойчивыми нравственными нормами, ни правовыми санкциями. Постепенно меняется сам механизм макросоциализации, медленно уходит в прошлое формирование стандартных моделей социального поведения на основе идеологических конструкций и жестких санкций, и приходит другой принцип формирования социаль-

ного действия, основанный на рационализации индивидуальных и общественных потребностей.

Характер трансформации состоит именно в том, что старые модели и механизмы входят в противоречие с новыми и, не будучи подкреплены эффективными мерами социальной политики, угрожают обществу дестабилизацией и дезинтеграцией. Социальная трансформация связана с глубокими переменами в системе социальных ориентиров населения, изменениями приоритетов в отношении людей к своим индивидуальным потребностям, интересам общества

и государства. Это порождает глубокие противоречия во всех сферах

социальной жизни, кардинально изменяет российское общество. Преодоление этих противоречий, формирование устойчивого взаимодействия различных элементов общественного организма потребует значительного периода времени и усилий. В первую очередь должна быть ясная постановка цели социального развития страны. При этом необходимо учитывать потенциально возможные направления трансформации, определяемые соотношением сил, наличием разного рода ресурсов (материальных, организационных, информационных, социальных и т.п.) у всех участников трансформационного процесса. Вполне очевидно, что спектр потенциальных ресурсных возможностей существенно уже, чем все множество существующих

в обществе нормативных представлений. Те идеальные представления, которые не опираются на реальные социальные ресурсы, вряд ли имеют шансы оказать серьезное и длительное влияние на ход процесса социальной трансформации.

До последнего времени обсуждение этого круга проблем сводилось в основном к проблеме социальной поддержки проводимых реформ. В этом смысле не случаен и оправдан интерес к опросам общественного мнения. При этом, по справедливому замечанию И. Дискина, основное внимание исследователей сконцентрировано на выработке «нормативного теоретического представления о реформах, то есть, какими они должны быть. Гораздо меньше внимания уделяется проблеме - какие реформы возможны «здесь и сейчас», в конкретно-исторических условиях современной России»¹⁴.

¹⁴ Дискин И. Социальная составляющая развития переходной экономики // Общество и экономика. 1997. №№ 1-2.

Однако ответ на этот вопрос непосредственно связан с изучением представлений о целях трансформации и содержании реформ, которые складываются у наиболее влиятельных субъектов социального действия. Многое зависит от того, имеется ли поле для консенсуса относительно этих целей. Анализ представлений о желательном направлении реформ, сложившихся в разных социальных группах, и их сопоставление сегодня, возможно, более значимы, чем целостно выстроенные научные концепции реформирования, что нисколько, впрочем, не умаляет значения последних. Наличие таких концепций позволяет сравнивать с ними реальный ход общественных преобразований.

Известно, что в 1992 году реформаторы исходили из «волнообразного» представления о переходном периоде: вначале проведенное методом «шоковой терапии» оздоровление экономики, а затем реализация социальных программы на основе расширившейся ресурсной базы. Однако такой проект мог оказаться успешным при наличии консенсуса относительно целей и методов трансформации, а также политической воли. Но за разрушением старых общественных институтов не последовало рождение нового прочного институционального фундамента, на котором могли бы быть построены индивидуальные жизненные стратегии «благополучия и достижения» для среднего слоя населения, единственно способного в конечном счете вывести из кризиса национальную экономику и стать гарантией успеха реформ. Распад прежних социальных и государственных институтов и отсутствие устойчивых «правил игры», при несформированных структурах гражданского общества, привели к дезинтеграции фактически всех общественных отношений - к той стадии тотальной деградации, когда общество находится на грани «войны всех против всех».

Специалисты, анализирующие процесс социально-экономической трансформации, указывают на ряд взаимосвязанных факторов, в наибольшей степени влияющих на социальную ситуацию в переходный период:

- отсутствие четкой постановки целей социальной трансформации, ясной ориентации государственных социально-политических и социально-экономических институтов на реализацию этих целей;

- нестабильность функционирования социально-экономических и социально-политических институтов, слабость, противоречивость и избирательность действия системы санкций со стороны этих институтов;
- отсутствие ценностной системы, признаваемой большинством населения в качестве нравственной основы жизнедеятельности и одновременно выступающей в качестве регулятора социального действия, являющейся этической базой для функционирования системы социально-государственных институтов;
- несложившаяся социальная структура в условиях роста противоречий между профессионально-квалификационным и образовательным уровнем людей, их местом в системе общественного воспроизводства, с одной стороны, и размерами собственности и дохода, а также социальным престижем, с другой;
- неадекватные реально существующим ресурсам и возможностям социально-экономические притязания различных слоев и групп населения;
- усиливающиеся противоречия в ориентациях, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни, создающие серьезные препятствия для легальной инициативы и предприимчивости экономически активной части населения и ведущие к криминализации основных сфер социально-экономической жизни.

Главным условием преодоления трансформационного кризиса должна стать институализация, т.е. конституирование системы социальных (включая социально-экономические, социально-политические и, прежде всего, государственные) институтов, опирающихся на качественно новые механизмы социального действия.

Характер и направленность процесса трансформации связаны с функционированием политических и социальных институтов, которые, с одной стороны, по-прежнему регулируют социальные, экономические и политические отношения в обществе, а с другой - сами являются объектом реформирования. Сегодня институциональная среда может быть охарактеризована как кризисная, поскольку, во-первых, углубляется расхождение между декларируемыми гумани-

тарными целями реформирования общества и реальной практикой реформ, поставившей значительную часть населения в объективно, а главное, в субъективно худшее положение, чем то, которое она имела в дореформенный период. Во-вторых, реализуемые значительными по численности и статусу группами населения модели социально-экономического поведения входят в противоречие с институциональными установлениями и традиционными для нашего общества нормами и санкциями. В-третьих, снижается влияние институциональных установлений не только на деятельность хозяйственных субъектов, но и на повседневную жизнь людей, которые все меньше рассчитывают на поддержку и защиту соответствующих институтов.

Результатом этого становится социально-экономическая дезинтеграция, кризис трудовых мотиваций и распространение деструктивных форм поведения. В отсутствии двух необходимых условий социальной динамики - консенсуса относительно основных целей трансформации и политической воли для реализации этих целей - трансформационные процессы неизбежно носят кризисный характер. В такой ситуации первостепенными становятся задачи поиска механизмов социальной регуляции, обеспечивающих национальную интеграцию и продуктивную социальную динамику.

Опыт социально-экономического развития страны, начиная с 1992 года, говорит о целесообразности и возможности эволюционного разрешения институционального кризиса - без разрушения функционирования соответствующих социальных институтов. Для этого складывающаяся перспективная институциональная среда должна отвечать двум требованиям. Во-первых, реализуемые ею модели функционирования в целом должны соответствовать или, по меньшей мере, явно не противоречить «ядру» нормативных представлений о регулировании общественных процессов, сложившихся у основных субъектов экономической и политической жизни. Иначе неизбежно будет происходить процесс «отторжения», «блокировки» номинальных институциональных установлений.

Во-вторых, формируемые институты могут предъявлять к своим субъектным элементам примерно такой уровень содержательных требований, который потенциально может быть реализован. В противном случае между нормативными требованиями, с одной сто-

роны, и реальными ценностно-этическими и профессионально-квалификационными возможностями, с другой, возникнет «зазор», который будет заполнен либо бессмысливающей имитацией содержательной деятельности, либо различными формами деструктивного поведения.

Необходимым условием становления новой институциональной системы является складывание новых этических норм, социальных ценностей, формальных и неформальных правил, выступающих регуляторами соответствующих социальных, хозяйственных и политических отношений. Именно трансформация социальных институтов обнажает социокультурный фундамент реформ в связи с происходящей в рамках этого процесса сменой доминирующих, реально регулятивных, а не декларируемых ценностей, норм и установлений.

Таким образом, в качестве условия устойчивого социального развития должно рассматриваться продвижение в сторону формирования системы общезначимых для большинства населения социальных ценностей и норм. Выработка и усвоение эффективной системы санкций является одним из важнейших факторов преодоления процесса дезинтеграции общества. Мера интеграции общества на основе общезначимой системы ценностей и норм определяет способность этой ценностно-этической базы выступать реальным регулятором социальной деятельности. Речь идет именно об аксиологическом, а не идеологическом основании регулирования социального поведения. Попытки заменить систему внутренних и внешних мотиваций различного рода идеологическими конструкциями и мифологемами приводит, как мы наблюдаем, лишь к дальнейшей дезинтеграции общества.

В мировой социологии рассматривается механизм нормативного морфогенеза на основе длительного процесса накопления инноваций в способах социального поведения. Цикл нормативного морфогенеза включает четыре стадии'

- введение инновационных норм, когда попытки сделать их общим достоянием долгое время терпят неудачу;
- отбор (фильтрация) изменений, при котором сформированные «новые институциональные модели поведения более

адаптивны, чем старые, в создании или реализации поставленных целей»¹⁵;

- проращение изменений, при котором возможны различные варианты распространения инновационных норм (ПШтомпка)¹⁶:
- «компенсация»: изменения вызывают негативное отношение, выливающееся в стремление уменьшить значение нормативных новаций или уничтожить их средствами контрреформы;
- «гиперкомпенсация»: сопротивление нормативной новации столь велико, что вся трансформируемая структура изменяется в направлении, противоположном тому, которое предполагалось;
- «сегментация»: изменения, вызванные введением новых норм, ограничиваются какой-либо областью деятельности или социальной группой без дальнейших последствий для других сфер общества;
- «адаптация»: новые нормы усваиваются большинством социальных субъектов, начальные изменения влекут за собой цепь последовательных сдвигов в других компонентах нормативной структуры, что преумножает нормативные нововведения вплоть до полной трансформации нормативной структуры;
- легитимизация изменений, без которых стабильное существование новых норм ненадежно.

Очевидно, исследование перспектив процесса социально-экономической трансформации должно учитывать представленный цикл нормативного морфогенеза, с тем, чтобы определить, во-первых, ту его стадию, на которой сегодня находится наша страна, и, во-вторых, выявить тот вариант распространения инновационных изменений, который соответствует реальной практике трансформации. Предметом исследования должны быть типы социально-экономического поведения, или, по Веберу, социального действия, которые находят распространение в сегодняшней России.

¹⁵ Merton R Social Theory and Social Structure New-York Free Press, 1968 P 236

¹⁶ Штомпка П Социология социальных изменений М.1996

В этом смысле понятно заметное в последнее время обращение многих исследователей к работам М. Вебера, предложившего классификацию типов социального действия, включающую целерациональный, ценностно-рациональный, традиционный и аффективный типы социального действия. Д.В. Ольшанским, например, была предпринята попытка дифференцировать типы социального поведения в соответствии с веберовской классификацией на основе распределения ответов респондентов на вопрос: «Каким Вам представляется наиболее достойное поведение в сегодняшней кризисной ситуации?» К ценностно-рациональному типу поведения Д. Ольшанский отнес желание найти свое место в рыночной экономике¹⁷; целерациональный тип соответствует варианту ответа «доверие к политике реформ требует активных личных действий каждого»; аффективный тип предполагает активный протест против проводимых реформ, а стремление больше времени уделять семье соответствует традиционному типу поведения.

Представляется, что обращение к наследию М. Вебера, безусловно, плодотворно, однако вышеописанное его применение для анализа складывающихся типов социально-экономического поведения вызывает ряд возражений, два из которых являются принципиальными.

Во-первых, классификацию социального поведения следует строить именно из характеристик поведения, а не мнений по поводу одной, пусть и ключевой, позиции. Во-вторых, тип социального поведения является интегральной характеристикой, включающей целый ряд показателей, характеризующих поведение в какой-либо сфере. Тем не менее, следует признать, что поиски теоретических оснований исследования типов социального действия уходят к Веберу и его последователям.

Среди теорий, наследовавших веберизму, следует упомянуть «теорию агента», согласно которой понятие коллективного, группового действия дополняет образ спонтанных изменений, производимых индивидами; тем самым движущие силы находят свое воплощение в коллективных или корпоративных субъектах действия - социальных агентах. Одни действуют «сверху», это - законодатель-

¹⁷ Ольшанский Д.В. Социальная адаптация: кто выиграл? Макромеханизм реформ // Экономические реформы в России: социальное измерение. М., 1995. С. 75-83.

ные и административные органы, корпорации и т.д., другие - «снизу», это - ассоциации, группы давления, лобби, социальные движения. Их комплексное взаимодействие составляет политическую арену современных обществ и определяет характер трансформации.

Социальное действие рассматривает и концепция морфогенеза, которая подчеркивает конструктивный характер социального функционирования, акцентирует внимание на взаимодействии социальных субъектов с акцентом на выстраивание обратных связей¹⁸.

Теория «социальной направленности» отличается от других тем, что считает мобилизационные силы коллективов и обществ основным источником их собственных преобразований. Теория социальной направленности ставит вопросы о том, как моделировалась данная структура, как она поддерживалась, как она может быть изменена и где расположен источник движущих сил. Таким источником признается социальная мобилизация, поскольку «когда социальная единица мобилизуется, она имеет тенденцию изменять свою собственную структуру и границы, а также структуру той общности, членом которой она является»¹⁹.

Также большой вклад в развитие теории социального действия внес Ален Турен, рассматривающий общество как результат коллективных действий, главным носителем которых являются социальные движения²⁰. Они трактуются как формы коллективной мобилизации, решающие агенты истории.

Наконец, наиболее известным и влиятельным последователем М. Вебера стал Э. Гидденс, изучающий трансформацию с точки зрения структурирования социальной системы, где конечным двигателем такого структурирования являются деятели (или агенты) в их повседневном поведении.

Таким образом, можно говорить, что в мировой социологии развивались как институциональные, так и деятельностные подходы к трансформации. Эти же подходы нашли отражение в работах российских ученых, которым удалось существенно продвинуть анализ процессов трансформации. Среди них непременно следует

¹⁸ Buckley W. *Sociology and Modern System Theory* // Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.

¹⁹ Etzioni A. *The Active Society*. New-York: Free Press, 1968. P. 393.

²⁰ Touraine A *The Post-Industrial Society*. London, 1974.

упомануть работы Т.И. Заславской, посвященные социальной структуре трансформирующегося общества, и работы по этой теме О.И.Шкаратана и В.В. Радаева; Ю.А. Левады, в которых выделяется и исследуется «социальная элита» переходного времени; А.Г. Здравомыслова, рассматривающего природу социальных конфликтов; Р.В.Рывкиной, где показаны социальные последствия проведенных реформ; Н.М.Римашевской, посвященные качеству жизни населения; В.А.Ядова, развивающего методологию исследования трансформационных процессов; И.Е. Дискина, внесшего в изучение процессов российской трансформации понятие «социального капитала»; Л.А.Гордона, изучающего материально-имущественную дифференциацию населения; Г.Г. Дилигенского, рассматривающего динамику и структурирование социальных ориентаций в современной России; других ведущих исследователей социально-экономических аспектов трансформации российского общества.

Представляется, однако, что среди названных направлений исследования трансформационных процессов не нашел пока адекватного его значимости отражения процесс социально-экономической адаптации населения к происходящим переменам. Между тем, именно характер адаптации, включенность в этот процесс все большего числа россиян является важнейшим индикатором качества совершаемых преобразований.